

ГЛАВНОГО героя спектакля «Будьте готовы, Ваше Высочество!» мы еще не видели, но знаем о нем уже почти все: и то, что он принц королевства Джунгахора, и то, что он прибыл в пионерский лагерь «Спартак» — пожелал провести лето вместе с советскими ребятами, и вот-вот появится в окружении свиты. Это и многое другое обсуждают пионеры-спартаковцы, когда на сцену действительно выходит принц Далихьяр, смуглый и высокомерный, а вернее, Лидия Князева, играющая эту роль.

Театру и актрисе эта экспозиция — рассказ о приезде чужеземного принца — нужна затем, чтобы составить определенное мнение у зрителей о герое, затем сопоставить это мнение с последующим развитием образа и выявить существо и тему. Лидия Князева разрабатывает свои роли с предельной внимательностью к общей фактуре спектакля. Блестящий выход джунгахорского принца с жезлом в руке — символом власти в столь же блестящем окружении именитых дядей — приближенных и послов — интересует актрису своей контрастной краской по отношению к тому, что будет сказано после. Принц Далихьяр Сурамбук благовоспитан, горд, надменен, он постоянно в центре внимания. Но Князева знает о нем и другое, более важное и волнующее. Во всей этой помпе нарядности, в постоянной требовательности поддержания этикета, приличествующего принцу крови, во всей этой суматохе торжественного сопровождения и лстивого внимания нет правды, искренности, нет человека, который просто, по-житейски понял бы Далихьяра, понял, что он ребенок, мальчишка, что ему хочется поиграть и порезвиться, пошалить и поиграть в прятки, словом, проявиться в естественном порыве детства. Этот настораживающий мотив одиночества, окрашивающий всю роль, мы распознаем потом, когда, подравшись с ребятами и отшлепанный деловитой Тосей, принц, которого теперь зовут просто Дэлькой, становится другом спартаковцев, и приходит время покинуть новых друзей...

Лидия Князева, проследившая тему большой дружбы, приходящей к маленькому Далихьяру, в многообразии сценических тонов общилась своему хрупкому герою замечательное качество — требовательности к себе, к своим словам и поступкам. Там, вдали, в заточении бездушного, роскошно обставленного дворца, словно заново переживая, вспоминал Далихьяр слова разговора с Тосей, ее извольность и свои бесконечные «Ты меня слышишь?» Зарождение дружбы Князева показывает одновременно с рождением ответственности за эту дружбу, ответственности за все совершаемое, которая так ясно и отчетливо дает право принцу решать по справедливости.

Маленький принц тянется к дружбе — тема, воплощаемая замечательной советской трагедии в поэтичных, прозрачно-лиричных образах, улавливая и весомо обозначая тончайший перелив оттенков красок и чувств.

Такой же большой дворец с тяжелыми, словно давящими стенами и с суховато-угловатыми лицами министров и сановников встретится в «Томе Кенти», сказке, инсценированной по М. Тену, где Князева играет главные роли: Тома Кенти и принца Эдуарда. Скажем сразу: трансформация актрисы неперехватываема, богатство душевного состояния в той и в другой роли зримо, явственно.

История Тома Кенти, мальчишки-оборвыша со двора отбросов, и вышколенного принца Эдуарда, поменявшихся ролями из-за внешне-го сходства, интересна актрисе тем же мотивом стойкости дружбы.

Маленький голодранец-шалопай Том, вечно спящий по дворам и закулкам в поисках куска хлеба, вдруг попадает во дворец, где все поставлено на самую широкую ногу и завтракать подают прямо в постель. Это забавно, забавно еще и то, что тебя принимают за принца и пугливо притихают в обращении с тобой. Но чем дольше находится Том в духоте дворцовой дремы, чем настойнее угоничания министров и раболепнее жеманство фрейлин, тем больше тянет Тома на улицу, на свет, к жизни настоящей, к друзьям. Хочется сорвать ненавистный балдахин на кровати, влететь за решетку скучному стражнику и вырваться из дворца и бежать, бежать, пока будет сила, и дышать, вдыхать жизнь, пусть тяжёлую, но волнующую.

Князева любит контрасты, любит, обаявая драматическое противоречие, противопоставляет и сравнивает разные житейские ситуации, разные судьбы, характеры. На контрасте разрабатывается актрисой и роль маленького королевы в сказке С. Маршака «Двенадцать ме-

люди искусства

С ДОВЕРИЕМ К ДЕТСТВУ

Андрей НИКОЛАЕВ

саяев» (кстати, эта роль была дебютной ролью Л. Князевой на сцене Мтюза). Избалованная, крикливая девочка-королева, грозно и торжественно восседавшая на троне, писавшая «назнить» вместо «помиловать», потому что первое слово короче второго, была сердцем незла, но испорчена тупостью безмозглых учителей и министров, нравственно изуродована всей атмосферой королевского замка, пустым, механическим ходом государственной машины, пущенной издавна раз и навсегда. Добрые качества живут в этой девочке только приглушенно, затуманено, вполжизни. Она, как и Далихьяр, и Том, и Эдуард, ужасно одинока в притворном, уныло-фальшивом мире дворца. Оттого так издевательски жестоки ее проказы, жестоки, ибо иных забав она просто не знает, не ведает, что есть, например, двор отбросов, где живут друзья Тома, вечно голодные, но всегда готовые прийти ему на выручку, на помощь. Не подозревает, что есть письма, могущие утешить и поднять дух, как письма от друзей Далихьяру. Она многого не знает...

Строя роль на противоположении природной одаренности ребенка и уродливости выражения его детских порывов, обусловленной анемичным, бездуховным воспитанием, Князева изыскивает множество конкретных штрихов воплощения этого противоречия, от сгущения которых затем переходит к общению и переводам. Через конкретность совершенного познается человек, через точность проникновения мысли вскрывается общая идея.

Так, например, Федюнька Князевой («Павлик Морозов»), увидев, что пошел дождь, быстро снимает сапоги и старательно прячет их под подол рубахи. Привык беречь имущество. Но не от жадности, нет. Этот благородный крошечный мужичок-снотокот отдал последнее, лишь бы спасти друга. Но житейская мудрость, учившая его, что все заработано непосильным трудом, требует от него одного: чтоб он берег это заработанное. А другой герой Князевой, тоже маленький, несуразный мужичок — Петя из пьесы «Именем революции» — будет жалобно-театральным голосом тоскливо скуливать, чтобы ему подали кусок хлеба. В этой роли актрису влечет тема становления человека, преобразование деловито-хозяйственного, эгоистично заботящегося о себе, корыстного и хитроватого беспризорника в преданного борца революции: мужая сердцем, Петя вступает в новую, честную жизнь.

Словом, Князевой подмечены тонкие нюансы в проявлении мировосприятия ребенка, от конкретности которых она идет в глубь образа. Даже тогда, когда играет не детей, а зверюшек или предмест, как то случилось в «Кукле Наде» (Черный Пузырек) и в пьесе «О чем рассказывали волшебники» (обезьянка Чичи).

Черный Пузырек сидит на краю мусорной корзины и, жалуюсь на свою скверную судьбу, мечтает об иной жизни, если бы он был не Черный Пузырек, а

Хрустальным флаконом из-под духов, как бы быстро добился он дружбы Куклы Нади и завоевал ее доверие. В вылезшем из корзинки замарашке-Пузырьке Князева отыскивает черты души благородной и возвышенной, человеческие приметы такого «маленького Ромео». Сам из корзинки, весь перепачканный, с чернильными кляксами на лбу, а чувства тонкие и нежные. Пузырек «любит Куклу Надю рыцарски восторженно, восхищенно». И мы радуемся, что в нем, в Пузырьке, внешне неприметном и смешном, пробуждается и осуществляется истинно большой человек.

Обезьянка Чичи и другая маленькая обезьянка Чжун-Чэн («Голубая звезда»), у которых художественно красочно сплелись «ловкость и грация лесной зверюшки с забавной гримаской и ужимками сорванца», олицетворяли все тот же порыв маленького человечка к дружбе, проходящий через все роли актрисы. Чичи помогала Доктору Айболиту в борьбе с Бармалеем, а Чжун-Чэн — своему другу, Голубой звезде. И мы понимали: такая помощь и такая дружба способны вынести испытания любых измерений, любые тяготы.

Князевой близка сопричастность ее героев к миру серьезных и больших испытаний и настоящих чувств. И пусть положение Далихьяра, оставшегося без друзей, значительнее, сложнее, драматичнее простой потери кристаллов П. С., в которой героиня Князевой — девочка Ляля — играет весьма сомнительную роль, все равно, даже в небольшом, но серьезном деле определяется ценность маленького человечка.

Но всю меру напряженности сценической жизни персонажей Князевой мы бы не ощутили, если бы актриса не была столь изобретательна и точна в выборе выразительных средств. Ее сценический талант, сочетая остроту наблюдательности с богатством и укрощенностью отбираемых деталей, обнаруживает качества более ценные и редкие, чем просто артистическое самовыявление и яркость рисунка ролей. Речь идет о способности актрисы выразить мир своих мыслей и чувств, свой «психологический ракурс», не прибегая к изменениям в тексте драматурга, за счет пластичной и интонационной импровизационности и образности исполнения. Пластичной жеста и движения, интонационной мелодикой голоса — высокого и чистого, как родник, — актриса выявляет не только мир воплощаемого детского характера, но и свой собственный внутренний мир, свое жизненное ощущение как художника, как личности.

«Люди, которые делают искусство для детей, несут огромную ответственность перед страной», — писала как-то актриса. Искусство Князевой ответственно перед страной, перед детьми, для которых оно создается. У ее героев на сцене «детские глаза — широко распахнутые, чистые, требовательные». Народная артистка СССР Лидия Николаевна Князева трудится серьезно и целеустремленно, с полным и безоговорочным доверием к детству.

Фото В. Кузнецова